

Го Го

ПУТЕШЕСТВИЕ ЦВЕТКА

2

花
千
骨

18+

Го Го

Путешествие цветка. Книга 2

Серия «Путешествие цветка», книга 2

Серия «Хиты Китая. Фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74240866
ISBN 978-5-17-181125-9

Аннотация

Совершенствующиеся выстояли в битве с нечистой и сохранили почти все божественные артефакты. Хуа Цяньгу возвращается на гору Чанлю, которая успела стать ей домом, но даже там девушку поджидают испытания.

Ее наставник тяжело отравлен ядом Треножника Изначального Гадания, и единственный способ спасти его – найти Нефрит Огня и Воды. Хуа Цяньгу вынуждена пойти на преступление, навлекая на себя гнев мира совершенствующихся. Бай Цыхуа, чьи силы на исходе, тайно пьет кровь своей ученицы, чтобы подавить действие яда, но не может открыто встать на ее защиту, а внутри школы зреет вражда, подогреваемая кознями Ни Маньянь.

Но как долго у Бай Цыхуа получится защищать свою ученицу? Ведь нечисть уже снова собирает силы. Легенды о пробуждении Повелителя нечисти начинают сбываться, а имя Хуа Цяньгу все

чаще звучит в разговорах о грядущей катастрофе. Сможет ли она доказать, что ее сила таит в себе надежду, а не проклятие?

Содержание

Часть 4	8
Глава 25. Цветы в зеркале, луна в воде[1]	8
Глава 26. Чему быть, того не миновать	57
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Го Го Путешествие цветка. Книга 2

##

THE JOURNEY OF THE FLOWER. VOLUME 2

GUO GUO

This edition is published by AST Publishers LTD arrangement
with China South Booky Culture Media Co., LTD through
Tianjin Mengchen Cultural Communication Group Co.

Дизайн обложки *Натальи Боровневой*

Copyright © Guo Guo

Cover, endpaper and inner illustrations © China South Booky

Culture Media Co., LTD

© Волокитина М. С., перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Часть 4

Глава 25. Цветы в зеркале, луна в воде¹

– Косточка², подгорело! Подгорело! Скорей! – взглянув на блюдо в котелке, закричала Тан Бао и обеспокоенно запрыгала на голове Хуа Цяньгу.

Только теперь девушка опомнилась, торопливо ухватилась за край котелка, но кипятком ошпарила себе руку. Бах! – чашки и плошки со звоном полетели на пол. Совсем приунывшая Цяньгу убрала беспорядок и начала все по новой.

Бай Цзыхуа сел за стол, попробовал приготовленное ученицей блюдо и долгое время не говорил ни слова.

– Наставник?

– Сяо-Гу, тебя что-то беспокоит?

– Откуда вы узнали, наставник?

– Обычно ты очень сосредоточена, поэтому вкус приго-

¹ «Цветы в зеркале, луна в воде» (кит. #####) – образное выражение, означающее видимость, иллюзию, несбыточную мечту. (Здесь и далее – прим. пер.)

² Прозвище от последнего слога имени Хуа Цяньгу: Гу (кит. #) означает «кость».

товленных тобой блюд всегда такой, каким и должен быть. Но если твой разум одолевают посторонние мысли, то и вкус блюда получается совсем другим.

Последние два месяца после возвращения во Дворец Бесчувствия Хуа Цяньгу вечно отвлекалась, за какое бы дело ни бралась. И пусть она постепенно оправлялась от ран, но уровень ее совершенствования ухудшался день за днем. Причина, по которой девушка прежде могла так стремительно повышать духовную силу и стала выдающимся талантом среди нового поколения учеников, заключалась в том, что сердце ее было чище и спокойнее, чем у любого другого человека. Теперь же она утратила безмятежность, а мысли ее приходили в смятение от всяких мелочей. Если не разобраться в себе, камень на сердце станет только тяжелее.

Покусывая палочки для еды, Цяньгу потупила взгляд и сказала:

– Наставник, я пребываю в замешательстве, но, как бы ни пыталась, не могу разобраться.

– Храни в сердце покой. В смятении не найдешь понимания. Во многих вещах чем больше пытаешься разобраться, тем в большее замешательство приходишь. Как только в сердце появляется одержимость, она становится словно клубок ниток: чем больше тянешь, тем сильнее запутывается.

– Но, наставник, а если предвидишь, что произойдет нечто плохое? Как быть в таком случае?

– Чем сильнее стараешься чего-то избежать, тем вероят-

нее это случится. Пусть все идет своим чередом. Воспринимай происходящее таким, какое оно есть. В этом и заключается суть существования. — Утешая ее словами, напоминавшими речи совершенномудрого, Бай Цыхуа погладил девушку по голове.

После долгих размышлений на лице Хуа Цяньгу наконец появилась улыбка. Она взяла в руки миску и в два счета проглотила еду.

Девушка не до конца понимала смысл сказанных тогда Ся Цзысюнь слов, но и считать, что она совсем их не поняла, тоже нельзя. Все-таки за шестнадцать-семнадцать лет она слышала и читала немало любовных историй. Но знать и понимать, так или иначе, вещи разные. Она знала, что Ни Маньтянь влюблена в Ло Шици, а Цин Шуй нравится Сюаньюань Лан. Однако сама не могла понять и не представляла себе, что такое любовь.

Но в тот момент, когда девушка осознала чувства сестрицы Ся Цзысюнь к наставнику, сердце наполнилось горькой печалью и чувством отчаяния, которое почти душило ее.

Почему? Способна ли она понять эту любовь?

Сестрица сказала ей не любить наставника, но она же его любит! Во всех мирах, кроме отца, матери и Тан Бао, больше всего Хуа Цяньгу любила именно наставника. Она готова выполнить любую его просьбу. Жизнь и все, что у нее есть, принадлежат ему.

В этом вовсе нет ничего неправильного, да и она ни о чем

не просит. Лишь бы, как и сейчас, каждое утро и каждый день неотлучно следовать за ним.

Наставник сказал: «Пусть все идет своим чередом». Наверное, это он и имел в виду.

В таком случае незачем размышлять о прочих вещах – нужно просто быть подле наставника и никогда с ним не разлучаться.

* * *

Ранним утром на дереве защебетала сорока. Радостное событие! Произойдет что-то хорошее!

– Наставник, вы искали меня?

Бай Цыхуа кивнул:

– Через несколько дней состоится пир совершенствующихся. Ты пойдешь со мной.

– Правда? – Хуа Цяньгу подпрыгнула чуть ли не на три чи³.

– В прошлый раз, в битве на горе Тайбай, ты хорошо справилась. Императрица настоятельно просила меня взять тебя с собой, а еще специально передала тебе приглашение.

Бай Цыхуа передал девушке отливающий золотом свиток, своим сиянием ослепляющий глаза. Приподняв веки, она увидела начертанные на свитке слова: «Глава школы Ма-

³ Чи (кит. #) – мера длины, равная примерно 33,33 см. (Далее древнекитайские меры длины и веса см. на стр. 565.)

ошань, Хуа Цяньгу».

Переполняемая радостью девушка спросила:

– А я могу взять с собой Тан Бао?

Бай Цыхуа кивнул. Все-таки они вдвоем всюду ходили вместе и никогда не разлучались.

– Пусть мы и победили в битве на горе Тайбай, но тебе заметно не хватает опыта в ведении разных дел. После пира совершенствующихся мы с тобой отправимся в путешествие по миру людей и хорошенько попрактикуемся.

Бай Цыхуа думал, что тревога в сердце ученицы зародилась не иначе как от недостатка жизненного опыта и узости кругозора.

Чистота человека несведущего слишком проста и слаба в сравнении с ясностью сознания испытывавшего лишения и постигшего суть вещей. Хуа Цяньгу переживает переломный момент в совершенствовании. Если не разрешить тревогу сердца, чрезвычайно легко ступить на демонический путь. Возможно, очутившись среди людей, она сможет вернуться к истинному сознанию, когда видишь вещи такими, какие они есть.

Девушка взволнованно потрясла наставника за рукав и по-детски кокетливо произнесла:

– Наставник, вы такой замечательный!

Бай Цыхуа потрепал ее по голове:

– Ступай, собирай вещи. Заодно попрощаешься с Цин Шуй и остальными своими друзьями. В этот раз мы, возмож-

но, пробудем в отлучке большую часть года.

– Но если не вы, кто тогда будет отвечать за дела школы?

– Не волнуйся. Всем будет распоряжаться твой дядюшка-наставник. Если произойдет что-то важное, он сообщит мне.

– Хорошо! – Хуа Цяньгу как ветром сдуло.

Услышав новость, все очень обрадовались. Один лишь Ло Ши ходил мрачнее тучи. Он все правильно расслышал? Почти год не видется с Тан Бао? Как же ему тогда жить? Стоило Ло Ши взглянуть на восторженное выражение мордочки гусеницы, как сердце его попросту разбилось вдребезги.

«Тан Бао, как ты можешь...»

* * *

Вновь возвращаясь на гору Куньлунь, Хуа Цяньгу испытывала небывалое волнение. В этот раз она больше не та одинокая и незащищенная девчонка, что тайком пробралась сюда, обратившись гусеницей. Теперь она пришла открыто и честно в статусе главы одной из школ. Больше ни к чему плыть на облаке вместе с Бай Цыхуа, ведь она может лететь самостоятельно, управляя мечом. А от одной мысли о разных яствах и персиках бессмертия на пире у нее с Тан Бао слюнки потекли.

Впервые Хуа Цяньгу выходила за пределы школы вместе с наставником. Сердце ее бешено колотилось от волнения и

переполняющих эмоций. Всю дорогу девушка громко и без умолку болтала.

Хоть они и летели на мечях, но подстраивались под скорость Хуа Цяньгу и несколько раз останавливались на отдых, так что прибыли на место только спустя день.

Когда путники добрались до Нефритового пруда⁴, пир уже начался.

В розовой персиковой роще кружилась в воздухе чудесная музыка. Совершенствующиеся распивали вино и пели песни.

Раздался голос:

– Прибыл верховный совершенствующийся горы Чанлю!

И снова:

– Прибыла глава школы Маошань!

На площадке тут же воцарилась тишина. Все присутствующие обратили взоры на прибывших.

На землю опустился все такой же отрешенный от мирской суеты одинокий мужчина в белых одеждах, а позади него шла та самая похожая на мальчика девчушка, что много лет назад вторглась на территорию Нефритового пруда, одетая в лохмотья.

С повязанными на голове двумя кругленькими пучками и в простенькой белой шифоновой юбочке, Хуа Цяньгу по-прежнему выглядела как ребенок, словно и не повзрослела

⁴ Нефритовый пруд (*кит. ##*) – место обитания богини Си-ванму, хранительницы персикового дерева, плоды которого даруют бессмертие.

вовсе. У нее были черные, будто написанные мазками кисти, брови, глаза как звезды и блестящая, подобно жемчугу, кожа, а круглые и гладкие щеки, румяные и нежные, словно цветы, алели, как яблоки, и вызывали желание ущипнуть за них.

Почувствовав на себе пристальные взгляды толпы, девушка занервничала и вцепилась в длинный рукав одеяния Бай Цыхуа.

Так и шли наставник и ученица: один – впереди, другая – следом. Один – отрешенный от мирской суеты, незаурядный мужчина, другая – прелестная в своей очаровательной наивности девчушка. Поистине живописная картина среди порхающих в воздухе розовых персиковых лепестков. Все присутствующие застыли в изумлении.

В этот момент раздался грубый, злобный, подобный громовым раскатам голос:

– Проклятый Бай Цыхуа! До чего же досадно!

Голос этот показался Хуа Цяньгу довольно знакомым. Девушка еще толком не успела сообразить, что произошло, как перед ней возник белокурый рослый мужчина с золотистыми бакенбардами и уставился на нее огромными, подобно круглым медным колокольчикам, глазами.

От испуга она отступила на несколько шагов, но, присмотревшись, с приятным удивлением обнаружила, что этот мужчина – наставник брата Лана, Ло Хэдун.

Ло Хэдун раскрыл здоровенную пасть, расхохотался ей в

лицо, протянул свою загорелую, огрубевшую руку и ущипнул Цяньгу за личико.

– Вот негодница! Какая же ты нежная и хорошенькая, оказывается.

Девушка, не зная, то ли смеяться ей, то ли плакать, позволила ему мять свои щечки, словно комочки теста.

Бай Цыхуа молча встал перед ученицей.

– Бессмертный Хэдун, давно не виделись.

Рассерженный Ло Хэдун убрал руку и, фыркнув, произнес:

– Сколько лет, сколько зим. Послушай, старина Бай, какой же ты везунчик. Совершенно очевидно, что ученика я отправлял даосу Цин Сюю. Как же она вдруг с тобой оказалась? Проклятие! Как же я сожалею! Знал бы раньше, взял бы ученицу себе! В таком случае возвращение стольких артефактов не имело бы к тебе никакого отношения! Я так давно мечтал о Тушечнице Невозврата. Будь она у меня, отправился бы куда пожелаю. Запросто бы подглядывал за девами, принимающими ванну. Давай поступим так. Одолжи мне ее ненадолго, я попробую.

Только Ло Хэдун договорил, как тут же вскрикнул от боли и достал вонзившуюся в ягодицу вишенку.

«Проклятие! Юнь Сань! – выругался про себя Ло Хэдун. – Знал же, что не следовало соглашаться на участие в этом дурацком пире совершенствующихся! Перед императорской четой эта мегера только и может, что плести интриги за спи-

ной. На большее не осмеливается. Но, как только пир закончится, меня же на куски порвут!»

Ло Хэдун негодуяще закинул вишенку в рот и разом проглотил ее, не разжевывая. Все присутствующие вытаращили глаза от удивления.

«В вишне мякоть, в заднице тоже! Чего зря добру пропадать?»

Бай Цзыхуа лишь слегка откашлялся, уже давно научившись сквозь пальцы смотреть на его выходки.

Ло Хэдун со вздохом сказал:

– А я с самого начала знал, что Хуа Цяньгу – девчонка, просто с дурной судьбой. Однако потом ты вдруг стала главой школы Маошань, да еще и заставила старину Бая впервые в жизни ученика принять. Вот уж никак не ожидал! Все-таки ученицы куда очаровательнее, такие прелестные, понимающие и послушные. Другое дело – мой пострел, вечно нос задирает, ни на что не годится и все время мне противится! Старина Бай, как же я тебе завидую! – С этими словами он развернулся и взревел:

– Проклятый мальчишка! Выходи давай! Не ты ли днями и ночами о сестрице думал? Сам же, чтобы с ней встретиться, обманом заставил меня взять тебя с собой на пир. Иначе я бы сюда и ногой не ступил!

Услышав это, Хуа Цяньгу обрадовалась, подняла голову и посмотрела вдаль – и правда, братец Сюаньюань Лан!

Пусть юноша принимал участие в пире в качестве учени-

ка Ло Хэдуна, однако все же обладал особым положением, поэтому и за столом занимал почетное место.

Сейчас Сюаньюань Лан был облачен в пурпурные одежды с высоким воротником и поясом из белого нефрита. Он напоминал бессмертного, проживавшего в уединении на высокой горе. С момента их прошлой встречи в его благородном облике появилась некоторая отрешенность.

Издаലെка взглянув на Хуа Цяньгу, юноша ласково улыбнулся, при этом не теряя достоинства правителя.

Вслед за Бай Цыхуа девушка заняла за столом место подле Сюаньюань Лана. Как и в тот день, начинался пир совершенствующихся, и цветы персика были точно такие же. Тем не менее все вокруг казалось совершенно иным.

Не обошлось без некоторых церемоний, слов похвалы со стороны императорской четы, а также обмена приветствиями с другими совершенствующимися. Судя по всему, каждого из присутствующих весьма удивил тот факт, что Бай Цыхуа взял Хуа Цяньгу в ученицы.

Наставник не был ценителем всякого рода любезностей, говорил очень мало и, лишь слегка кивнув в знак приветствия, проходил мимо. Хуа Цяньгу же сидела и, заменяя вино зеленым чаем, пила одну чашку за другой.

Пир совершенствующихся имел насыщенную программу. Порой гости начинали расходиться лишь спустя пять дней. Празднование, на котором в прошлый раз присутствовала девушка, оказалось самым коротким – полдня не прошло,

как все в гневе разошлись. В этот раз сложилась иная ситуация. Большинство божественных артефактов вернули, у всех на душе поубавилось беспокойства, поэтому на пире то и дело раздавались смех и радостные голоса.

Наблюдая за происходящим, Хуа Цяньгу поначалу чувствовала радость и удивление, но вскоре полностью сосредоточилась на поглощении пищи, ведя с Тан Бао ожесточенное сражение за каждый кусочек. Сидевший слева от девушки Сюаньюань Лан с трепетной улыбкой глядел на то, как жадно она набрасывается на еду, и время от времени говорил ей несколько слов, которые подобно нежному свежему ветерку ложились девушке на сердце.

Тан Бао, пропуская мимо ушей происходящее вокруг, только и знала, что проделывала отверстия в персиках бессмертия. В прошлый раз она очень расстроилась из-за того, что не удалось отведать фруктов, поэтому на этом пиру гусеничка с самого начала изо всех сил уплетала их, прогрызая дырки в разных местах. Вскоре она смело подчистую большую часть персиков, лежавших на столе.

Хуа Цяньгу повернулась и посмотрела на Бай Цыхуа. Тот как раз попивал вино и вел непринужденную беседу с Ло Хэдуном, высшим бессмертным Дун Хуа и другими совершенствующимися, сохраняя при этом привычно невозмутимое и холодное выражение лица. Запрокинув голову, девушка взглянула на раскинувшуюся крону персикового дерева и вспомнила о том, как однажды свалилась с него. Внезап-

но она заметила, как один из кружащихся в воздухе лепестков упал в чарку наставника. Сердце Хуа Цяньгу дрогнуло. Она ухватилась за рукав мужчины, уже собиравшегося залпом опустошить чарку.

Бай Цыхуа замер и, опустив голову, взглянул на ученицу, не сводившую с него влюбленного взгляда.

– Сяо-Гу?

Девушка остолбенела, потом вдруг опомнилась и, улыбувшись, с детской непосредственностью сказала:

– Наставник, дайте и мне попробовать!

Бай Цыхуа взглянул на чарку с вином в своей руке.

– Ты же вроде не умеешь пить.

– Не страшно. Только один глоточек. Не опьянею.

Бессмертный кивнул и уже собирался налить Хуа Цяньгу вино, но та ловким движением схватила его чарку и отхлебнула из нее.

– Сяо-Гу...

Закружилась голова...

Щеки Хуа Цяньгу вмиг покраснели, словно раскрывшиеся цветы персика. Ударивший в голову хмель затуманил рассудок. Осталось лишь чувство дурманящей радости и удовлетворения. Розовый лепесток, только что упавший в вино, прилип к губам девушки. Она легонько слизала его, вытянув нежный язычок. Цяньгу смотрела на Бай Цыхуа с влюбленной улыбкой, а внутри нее клочкотала буря эмоций.

Бессмертный поспешил отвести взгляд. Вокруг воцари-

лась полная тишина. Но в следующее мгновение все вернулось на свои места.

– Сяо-Гу, все хорошо? – Бай Цыхуа держал на руках обмякшее и обессиленное тело девушки.

Хуа Цяньгу слегка оперлась на его плечо. Благоухание цветов, аромат вина и запах наставника притягивали ее, погружая в сладкие грезы. Девушке вдруг захотелось вот так уснуть в его объятиях и никогда не пробуждаться.

Однако голос в голове постоянно твердил ей: «Не пьяней, не глупи, отпусти страстные желания, не теряй рассудок! Тебе здесь не место. Ты не сможешь вынести последствий!»

Хуа Цяньгу через силу поднялась и, глупо хихикая, сказала:

– Все хорошо, наставник. На самом деле я умею пить. Просто сейчас... мне нужно в уборную! Ха-ха-ха-ха! – С этими словами она развернулась и нетвердой походкой вышла из-за стола.

– Сяо-Гу... – Чувствуя беспокойство, Бай Цыхуа встал со своего места, но все же следовать за ней считал неприемлемым.

Сюаньюань Лан сказал:

– Не волнуйтесь, Владыка, я за ней присмотрю.

– Ха-ха, паршивец! Ну, ступай! Только не смей подсматривать! Не надо во всем наставнику подражать! Хорошему не учишься, зато плохое схватываешь на лету!

Взглянув на пьяную Хуа Цяньгу, Сюаньюань Лан покачал головой и отправился следом за ней. Тан Бао по-прежнему

сосредоточенно проделывала дырки в персиках.

Только теперь Бай Цыхуа снова сел, взял наполненную Ло Хэдуном до краев чарку вина, из которой только что пила девушка, взглянул на нее и выпил. Однако по какой-то причине в этот раз вкус вина совершенно отличался от того, что был прежде.

* * *

Сюаньюань Лан сделал круг и наконец нашел Хуа Цяньгу в располагавшемся неподалеку персиковом саду. Та, оказывается, на дерево забралась.

Девушка сидела на ветке и старательно грызла персик, столь огромный, что она не могла полностью обхватить его руками. Бросив обувь под деревом, Цяньгу раскачивала в воздухе босыми ногами.

– Глупая девчонка. Выпила всего ничего и так опьянела?

– Я не пьяна!

Пока Хуа Цяньгу уплетала персик за обе щеки, Сюаньюань Лан подошел, стряхнул пыль с ее маленьких ножек, подобрал туфельки и с нежностью помог ей обуться.

– Смотри не простудись.

Изумленная девушка так и застыла с полуоткрытым ртом, совершенно забыв проглотить откушенный кусочек персика.

Сейчас Сюаньюань Лан, такой ласковый и воспитанный, немного напоминал Дунфан Юйцина, однако последнему

недоставало сквозящих в каждом жесте могущества и величия.

– Братец Лан? – склонив голову набок, будто не узнала, позвала его девушка и случайно разжала пальцы. Огромный персик шлепнулся прямо на юношу.

– Ай!

Сюаньюань Лан схватился за голову и посмотрел наверх. Прежнее злобное выражение лица вновь вернулось к нему.

– Дрянная девчонка! Посмела ударить меня! – Юноша схватил девушку за ногу и резким движением стащил ее с дерева. Та приземлилась на задницу, а он громко расхохотался, скрестив руки на груди.

Хуа Цяньгу пощупала свой зад и с усилием поднялась на ноги. Качнувшись пару раз, она вновь обмякла и упала. Целую вечность пытаюсь встать, девушка в конце концов попросту села на землю.

Сюаньюань Лан постучал ей по голове:

– Я же говорил, опьянела. Вот дурочка!

С этими словами он одной рукой подхватил Цяньгу, взлетел и вместе с ней уселся на дереве. Девушка обессиленно прислонилась к его плечу, с трудом борясь со сном.

– Как... как вкусно! Восхитительно!

Глядя на ее покрасневшие щеки и блестящие глаза, Сюаньюань Лан не удержался и потыкал пальцем ее личико.

– Только и знаешь, что есть да пить! Вот же свинюшка!

Хуа Цяньгу пробормотала:

– Вино Забвения, вино Забвения... Вино помогает забыть о печалях и развеять тоску. Неудивительно, что столько людей, утопающих в мирской суете, мечтают забыться в вине.

Сюаньюань Лан заключил девушку в крепкие объятия и передал ей немного истинной ци.

– Держись. Если заснешь, потом долго проснуться не сможешь.

Хуа Цяньгу казалось, что весь мир вокруг шатается. Объятия брата Лана были широкими, но совершенно не похожими на объятия наставника.

Девушка с трудом открыла глаза. Лицо Сюаньюань Лана постепенно превращалось в лицо Бай Цыхуа. Она глупо улыбнулась, а потом тихо, с беспокойством, сказала:

– Наставник...

Сюаньюань Лан крепко сжал Хуа Цяньгу в объятиях.

– Твой наставник все еще пьет вино в компании моего наставника.

– Кто очаровательней? Я или Тан Бао?..

Юноша рассмеялся:

– Это то же самое, что сравнить свинью с гусеницей, а потом спросить, кто из них прелестней. Глупое сравнение...

– Тогда почему Тан Бао ты улыбаешься, а мне – никогда?

– Когда это я Тан Бао улыбался? – пришел в замешательство Сюаньюань Лан.

– А, все не так! Тан Бао – это я, а я – это Тан Бао... Просто ты обознался. Это была я, а не Тан Бао. Но я бы очень хотела,

чтобы ты улыбнулся Сяо-Гу, а не мне в облике Тан Бао...

Юноша растерялся:

– Чего ты там бормочешь?

Хуа Цяньгу заерзала в его объятиях, пытаясь найти более удобную позу для сна.

– Но знаешь? Если... если только к Тан Бао ты можешь так хорошо относиться, то я... я предпочла бы вечно быть рядом с тобой в облике Тан Бао...

Голос девушки постепенно становился все тише. Вытянув одну руку, она крепко обхватила Сюаньюань Лана за талию и вскоре заснула.

Юноша ущипнул ее за нос, а потом похлопал по лицу:

– Эй, поросенок, просыпайся скорей! Нельзя спать! Ты меня слышишь? – Но на лице Хуа Цяньгу застыла улыбка. Девушка уже погрузилась в сон, где вовсю предавалась веселью.

Не зная, куда себя девать, Сюаньюань Лан теребил ее пучки и длинные реснички.

– Вот же дурочка! Мы так давно не виделись. С таким трудом удалось встретиться с тобой, а ты взяла и заснула. И что теперь делать? Чем дальше, тем больше мне не хочется с тобой расставаться. Вот взять бы веревку и навсегда привязать тебя к себе!

Юноша смотрел на девушку взглядом, полным любви и нежности. Склонившись, он легонько поцеловал ее в лоб.

Вдруг услышав, что кто-то идет, Сюаньюань Лан поднял

голову и увидел Бай Цзыхуа.

– Владыка...

Бай Цзыхуа холодно кивнул:

– Сяо-Гу заснула?

– Да, впала в пьяное забытие.

Сюаньюань Лан смотрел на бессмертного без тени страха на лице. Неважно, видел Бай Цзыхуа или нет, в глубине души юноша ни капли не смутился. Вот только нынешняя ситуация полна неопределенности. Если Сяо-Гу последует за ним, то окажется в большой опасности. Когда во всех шести мирах воцарится спокойствие, он непременно отправится к Бай Цзыхуа просить руки Хуа Цяньгу со всей торжественностью и соблюдением необходимых обрядов.

– Сяо-Гу напилась. Мы с ней вернемся, а ты сообщи об этом своему наставнику и императрице.

– Хорошо.

Бай Цзыхуа протянул руки, чтобы забрать девушку, но Сюаньюань Лан не желал отпускать ее. После этой разлуки неизвестно, когда удастся свидеться вновь.

Однако, краем глаза увидев обращенный на себя многозначительный и глубокий взгляд Владыки, юноша все же сдался.

Белый силуэт, подобно свежему ветерку, исчез без следа в мгновение ока. Сюаньюань Лан в оцепенении стоял под деревом. На ладонях все еще сохранялось едва ощутимое тепло девушки.

– Наставник? – Приоткрыв глаза, в мерцающем свете свечи Хуа Цяньгу увидела Бай Цзыхуа.

Тот обернулся и подошел к лежанке с чашкой зеленого чая в руках.

– Тебе лучше? Есть какие-то неприятные ощущения?

– Голова немного кружится. Долго я спала? – Хуа Цяньгу подняла голову и взглядом окинула комнату. Помещение оказалось небольшое, просто обустроенное, но чистое и уютное.

– Недолго. Выпила немного, поэтому спала всего три дня.

– Три дня?! – удивилась девушка. – Но я же всего глоток сделала.

– На пиршестве совершенствующихся сон в течение трех лет в результате опьянения – вполне обычная ситуация. – Бай Цзыхуа подал ученице чай. Как раз почувствовав сухость во рту, Хуа Цяньгу залпом все выпила.

– А где Тан Бао?

– У нее голову закружило сразу, как только вина попробовала, вот и упала в чашку. Когда ее оттуда вытащили, она уже напилась до беспамятства. До сих пор спит. Боюсь, еще долго так дремать будет.

Хуа Цяньгу расхохоталась.

– Наставник, а где это мы? Почему кажется, будто земля

и небо ходуном ходят. Я все еще пьяна?

– Мы на лодке.

Услышав об этом, девушка радостно спрыгнула с лежанки, откинула занавеску и выбежала наружу. Они и правда плыли на маленьком суденышке посреди огромной реки. Повсюду, насколько хватало взора, плескались изумрудные волны. Отвесные скалы вдоль обоих берегов возвышались до небес, изгибаясь причудливыми линиями. Молодой месяц был словно крюк, ночное небо – подобно чаше. В воде отражались усеявшие небосвод звезды. Искрящиеся на речной глади блики напоминали рассыпанные по земле кристаллы.

Ночью дул сильный ветер, но все вокруг погрузилось в полную тишину. Хуа Цяньгу запрыгнула на нос лодки и встала лицом к ветру.

– Наставник, знаете, мне только что снился сон.

– Мм?

– За три дня мне приснилось три сна. В первом я была камнем и каждый день уныло лежала под огромным деревом. Рядом со мной росли травинки, цветочки и деревца. У меня было много друзей, но я все равно целыми днями грустила, потому что завидовала птицам, имевшим крылья и способным летать, с высоты взирая на просторы вселенной. И вот во втором сне я стала птицей. Но, вопреки ожиданиям, будучи птичкой, я тоже не почувствовала себя счастливой, потому что мечтала летать еще выше и дальше, завидуя ви-сящему в небе солнцу. Наконец, в третьем сне я стала солн-

цем. Но кто бы мог подумать, что жить будет еще труднее. Каждый день я висела высоко в небе и наблюдала за тем, как травинки, цветочки и деревца весело проводят время вместе, а мне приходится в одиночестве сиять на небосводе. И так стало горько на душе. Я очень сожалела. Оказалось, в итоге мне вновь захотелось стать маленьким камешком.

Бай Цыхуа подошел к ученице и погладил ее по голове.

– А что было потом?

Хуа Цяньгу чуть откинулась назад и прислонилась к нему.

– Ничего. Потому что было только три сна. Так что вновь камешком я стать не смогла и осталась висеть солнцем в небе. Но я все поняла. Пусть висеть в небе одиноко, зато каждый день можно всех видеть, дарить им тепло, наблюдать за множеством происходящих в мире увлекательных и веселых событий. Так что в конце концов я все же почувствовала себя счастливой.

– Три существования – лишь долгий сон. В этом и заключается действие вина Забвения. Поняла ли ты скрытый смысл снов?

– Угу, – закивала девушка. – Наставник, я поняла. То, что имеешь в самом начале, и есть самое лучшее. Даже если не получится вернуться к исходной точке, пока в сердце нет одержимости, просто оставаться собой и есть счастье.

Бай Цыхуа нагнулся и, глядя на ученицу, кивнул.

– Сяо-Гу, на разных жизненных этапах мечты у людей могут меняться. Иногда человек жаждет безграничной свобо-

ды, а иногда – необъятных просторов мира. Поэтому, Сяо-Гу, неважно, обретишь ли ты в будущем орлиные крылья или способности солнца, всегда помни о тех чувствах, которые испытывала, когда была камешком. Приноси пользу людям и всей земле.

– А-а! – Хуа Цяньгу не смогла в полной мере понять выражение лица Бай Цыхуа, но в глубине души поклялась, что не станет ни орлом, ни солнцем, а всю жизнь будет камешком лежать подле наставника.

– Сяо-Гу, ты изучала техники, описанные в «Руководстве по владению мечом», которое я когда-то давал тебе?

– Угу.

– Я покажу тебе еще одну технику. Она предназначена не для противостояния врагу, а для совершенствования и очищения помыслов, очень полезна для повышения внутренней силы. Покажу только один раз, так что смотри внимательно.

Услышав об этом, девушка обрадовалась. Она столько лет провела рядом с наставником, но, помимо игры на цине, он никогда ничему не обучал ее лично, а в основном давал что-нибудь для самостоятельного изучения. Хуа Цяньгу не только не видела наставника в бою, но даже не имела возможности наблюдать за тем, как он с мечом упражняется. «Странно. Наставник сегодня что-то не то съел?»

– Эта техника называется «Цветы в зеркале, луна в воде». Смысл сводится к слову «пустота».

Бай Цыхуа взлетел в воздух и замер над рекой. В лун-

ном сиянии его одежды казались еще белоснежней. Окутававший бессмертного слабый серебристый свет отражался в воде. От столь неземной красоты у девушки резко перехватило дыхание.

Наставник, следуя за ветром, ступал по водной глади. Его белые одежды развевались на ветру, а черные волосы наминали грозовой дождь. Сохраняя невозмутимость духа, он двигался с мощью летящего дракона и быстротой встревоженного лебедя, подобно бессмертному, спустившемуся с Девятого неба.

Хуа Цяньгу стояла в полном оцепенении, будто вновь вернулась в тот год, когда впервые увидела наставника на пиру совершенствующихся.

В руке Бай Цыхуа не было меча, но двигался он так, будто держал клинок. Сотни рассыпанных по небу и отражавшихся в воде звездочек одна за другой взлетали, окутывая его с ног до головы. Казалось, в руке бессмертного был световой меч, устремляющийся в небо и указывающий на землю. Внезапно течение реки остановилось, а волны застыли, обретя твердые формы. Но в следующее мгновение, когда Бай Цыхуа вновь взлетел в небо, поднялся огромный, страшный водяной вал. Как только Владыка выпустил энергию меча, все вокруг разлетелось вдребезги, подобно осыпающимся лепесткам и осколкам нефрита.

Много лет спустя Хуа Цяньгу часто вспоминала эту ночную картину, когда Бай Цыхуа в свете луны танцевал перед

ней с мечом. Это было самое прекрасное и самое необыкновенное зрелище в ее жизни. Будь такая возможность, она бы все отдала, чтобы начать сначала и вернуться к нему в облике камешка.

– Ты запомнила?

Хуа Цяньгу подняла голову и посмотрела на наставника с благоговейным трепетом, словно на божество. Достаточно было, чтобы он вот так, склонив голову, взглянул на нее, как сердце ее тут же замирало, становясь подобным стоячей воде.

– Все запомнила.

Девушка легко подпрыгнула и опустилась на поверхность реки. Словно почувствовав настроение хозяйки, меч Отрешения от мыслей задрезжал, издавая ласкающее слух звучание. Бай Цыхуа спокойно сидел в сторонке, время от времени давая указания. Увидев висящую на груди ученицы подвеску-гоую⁵, которая, будто живая, парила в воздухе и пускалась в пляс, вторя движениям девушки, он чуть приподнял брови.

Когда Хуа Цяньгу наконец присела на палубу отдохнуть, бессмертный спросил ее про подвеску. Только теперь та вспомнила про украшение, сняла его с шеи и передала наставнику.

– Старший Ши тоже спрашивал. Еще сказал, чтобы по возвращении я дала вам взглянуть на подвеску. А что, настав-

⁵ Гоую – особый вид украшений из нефрита в форме полумесяца.

ник? С ней что-то не так?

Бай Цзыхуа долго рассматривал гоую, потом проверил ее с помощью магии и покачал головой.

– Нет, все в порядке. Не знаю только, кто заточил внутри часть душ хунь и по. Раньше они пребывали в спячке, а теперь проснулись и оказались не особо довольны своей участью.

– А? Это запечатанная нечисть?

– Нет, это просто бесприютные души умершего, лишенные какой-либо силы.

– Бедные. Наставник, а вы можете их выпустить, чтобы они перевоплотились?

Бай Цзыхуа кивнул и снял печать с подвески. Хуа Цяньгу увидела, как луч зеленого света устремился к линии горизонта.

– Надо же! Наставник, как много падающих звезд!

Тут же следом промелькнуло еще несколько лучей света – неожиданно начался настоящий звездопад.

Потянув за собой Бай Цзыхуа, девушка легла на палубе. Красота ночного неба переполняла ее сердце беспримерными счастьем и теплом. Она никогда в жизни еще не видела так много ослепительно прекрасных звезд.

В последующие дни наставник с ученицей весь путь шли на восток вдоль реки, побывали на многих знаменитых горах и великих реках, повидали чудесные земли. С целью набраться опыта они даже проходили через горные леса, боло-

та и ущелья демонов, заваленные трупами. Пусть необычная ци Хуа Цяньгу привлекала разного рода нечисть, зато бессмертная ци Бай Цыхуа заставляла оборотней и демонов если не бежать во все стороны, то падать ниц, прося пощады. Поэтому время от времени наставник отставал от девушки, оставляя ее в одиночку сражаться в местах, кишящих нечистью, или же запечатывать трещины между мирами оборотней, демонов и миром людей.

Хуа Цяньгу уже давно привыкла к оборотням и демонам, но всегда испытывала страх перед духами. Однако делать было нечего. Бай Цыхуа не позволял Сяо-Хуну и Сяо-Баю помогать ей. И она, бедняжка, могла лишь скрепя сердце принимать свою трагичную судьбу, подвергаясь преследованиям душ безвинно погибших и нападению злых духов.

Всякий раз, когда Бай Цыхуа наставлял девушку и устраивал ей нечеловеческие испытания, она еле-еле вырывалась из лап злых духов.

Наставник всегда говорил ученице, что в истинно сильном сердце нет страха, а есть лишь благоговейный трепет.

Хуа Цяньгу с кислой миной на лице размышляла: «Пока есть вы, наставник, мне никогда не стать самой сильной». Ведь наставник гораздо страшнее нечисти. При встрече со злыми духами она хотя бы может в бегство обратиться, а столкнувшись с Бай Цыхуа, только и знает, что дрожит всем телом, не в силах даже пошевелиться.

Обладая возвышенной ци совершенствующихся, путники при встрече с простыми смертными прибегали к помощи отвлекающей магии. Поэтому, хоть наставник с ученицей не скрывали свои истинные лица, простые люди не могли запомнить их облика.

И вот, Хуа Цяньгу с Бай Цыхуа добрались до Ханчжоу. Девушка все канючила, что проголодалась, поэтому они зашли на располагавшийся поблизости и широко известный в Цзянху⁶ постоялый двор «Радужный прием».

Весь бродячий люд знал, что переступить порог «Радужного приема» – значит войти на территорию Улиня⁷. Трапеза здесь никогда не проходила спокойно: либо на пол летели тарелки, либо кто-то устраивал драку.

Поэтому совершенно неудивительно, что в момент, когда Хуа Цяньгу с Тан Бао принялись уминать все заказанные блюда, к ним со свистом прилетел тесак для резки свиней и вонзился прямо посреди стола.

Бай Цыхуа даже бровью не повел, изящно подцепил палочками цветную капусту и положил себе в рот. Девушка же так самозабвенно предавалась приему пищи, что прежде,

⁶ Цзянху (кит. ##) – досл. «реки и озера». Вымышленный мир боевых искусств. Иное значение – «бродяги, скитальцы».

⁷ Улинь (кит. ##) – сообщество школ боевых искусств, является частью Цзянху.

чем успела отреагировать, тесак, пролетев меньше чем в цуне от ее носа, впечатался в стол прямо у нее перед глазами.

Хуа Цяньгу глубоко вдохнула и втянула в рот висевшие на губах тонкую полоску лапши и кусочек зелени.

Какой-то коротышка с жирной мордой и большими ушами, лоснящимся лицом и обнаженной грудью подбежал к ним и начал непрерывно кланяться и извиняться:

– Прошу прощения, как неловко вышло! Промахнулся, виноват!

С этими словами коротышка выдернул тесак из стола, ухватив обеими руками, поплевал на лезвие, а затем, прицелившись, с исключительной меткостью отправил его в стол, стоявший в углу напротив.

Сидевшие за тем столом гости обомлели от неожиданности, с шелестом вытащили мечи из ножен и гневным взглядом уставились на мясника.

Коротышка заметил, что в противниках у него пять человек, а рядом с ним – всего двое. Соперники превосходили его не только числом, но и ростом. Осознав, что силы неравны, коротышка взобрался на столик Хуа Цяньгу и встал во весь рост.

– Ах! Моя капуста! – Девушка обреченно наблюдала за тем, как непрощенный гость своей ногой наступил ей в тарелку.

подавальщик кушаний уже давно привык к подобным ситуациям, поэтому ничуть не удивился. «Вот только в этот раз

работники поленились и плохо овощи помыли, что ли? Откуда на редисе такая жирная гусеница? Ладно, неважно. Все равно, даже если съедят ее, не умрут». Подавальщик принес тарелку с мясными тефтелями «четыре счастья»⁸:

– Дорогие гости, приятного аппетита!

Опасаясь, что толстяк снова наступит на еду, Хуа Цяньгу поспешила взять тарелку в руки до того, как подавальщик поставил ее на стол, после чего села в углу на корточках и принялась есть. Вчера она весь вечер с нечистой сражалась, так что вымоталась до боли в пояснице и ногах. Обычно за компанию с наставником Цяньгу питалась преимущественно овощными блюдами, но сейчас нужно было как следует подкрепиться.

Палочки с тефтелькой еще не успели оказаться у рта девушки, как неожиданно раздался громкий крик:

– Формация Ливня цветов груши!

Бесчисленное множество тонких, подобно бычьему волосу, вышивальных игл дождем хлынули со всех сторон. В прошлом, во время практики со скрытым оружием, Бай Цыхуа бесчисленное количество раз атаковал Хуа Цяньгу каплями воды, поэтому теперь она, непроизвольно зажав четыре мясных шарика между пятью пальцами, с помощью внутренней силы притянула все иглы к себе.

⁸ Мясные тефтели «четыре счастья» (ит. ####) – известное блюдо китайской кухни, тефтели из свинины с добавлением зимних грибов, каштанов, лука-порей или жареного морского огурца.

Прежде чем девушка успела опомниться, четыре прелестных и аппетитных тефтельки превратились в ежей. Хуа Цяньгу страдальчески всхлипнула. Да, наставник неоднократно говорил ей не привлекать внимания, не впутываться в неприятности и не обижать простых людей!

Но... все можно стерпеть, кроме посягательства на мясные тефтельки!

Девушка схватила лавку – первое из семи сильнейших видов оружия сообщества Улинь – и устроила хорошую взбучку всем участникам потасовки.

– Бедные мои мясные тефтельки! Верните мне мои тефтельки!

Бай Цыхуа ловко увернулся, не задев даже листика зелени, и сделал вид, что ничего не заметил.

– Пощадите, отважная героиня! Смилуйтесь!

В конце концов нарушители спокойствия возместили Хуа Цяньгу ущерб целым столом овощных блюд и двадцатью тарелками мясных тефтелей. Так дело и разрешилось.

Девушка лежала животом на столе, одновременно уплетая тефтели и милостиво помогая людям уладить спор. Конфликт разгорелся из-за приглашения героям на собрание Улинь.

В итоге ситуация разрешилась тем, что приглашение передали юной героине. После устранения первопричины спора отпала и необходимость сражаться.

Вдоволь насытившись и поучаствовав в драке, Хуа Цяньгу

потянулась, разминая мышцы рук и ног.

– Наставник, давайте поучаствуем в собрании Улинь.

– Сколько раз я тебе говорил, что в миру не надо совать нос в чужие дела и беспорядки устраивать? Они всего лишь обычные люди.

– Вы правы. Поэтому я воспользовалась наипростейшим методом разрешения конфликта! – Девушка соорудила гримасу и вытянула свои «копытца». – Методом кулаков!

Хуа Цяньгу обошла вокруг Бай Цыхуа.

– Наставник, ну пойдёмте! Я очень устала с нечистой сражаться, а моя боевая сила значительно возросла. Теперь я заметила, что духи бегают медленнее, чем раньше, и научилась, пользуясь их невнимательностью, бросать в них магические талисманы и прочие безделушки. Собрание Улинь – чрезвычайно увлекательное событие! Я там еще ни разу не была. Давайте сходим! Если случайно стану главой сообщества Улинь, то вы станете наставником главы. Внушительно, не правда ли?

Бай Цыхуа покачал головой, про себя подумав: «Мы отправились путешествовать как раз ради того, чтобы она опыта набралась. Если ей и правда интересно, почему бы и нет?»

– Можно только смотреть...

– Без драк! – совершенно осознанно добавила Хуа Цяньгу и ликующе подпрыгнула, радуясь, словно поросенок, вырвавшийся из хлева. Тан Бао лежала на плече хозяйки с мясной тефтелькой в лапках и тоже испытывала невероятное на-

слаждение.

Бай Цзыхуа медленно шел позади ученицы. Глядя на вприпрыжку бегущую девушку, он в глубине души расплывался в улыбке. Спустя два месяца путешествия Хуа Цяньгу стала гораздо веселее и бодрее, чем раньше. Бай Цзыхуа подумал: «Не будь я бессмертным, сутки напролет странствовал бы с этой шустрой проказницей по Цзянху. Быть может, тогда жизнь была бы совсем иной». Взглянув на голубое небо и белые облака, он внезапно ощутил едва уловимое чувство радости.

Еще и полугодом не прошло, а большое испытание уже вот-вот настигнет его. Возможно, причина в том, что в последнее время он обучал ученицу в спешке, проявляя некоторую снисходительность в наставлениях. Бай Цзыхуа спустился с гор, взяв с собой Хуа Цяньгу, потому что надеялся в отведенный ему срок передать ей как можно больше своих знаний.

А получится или нет отвести злой рок, Владыку не волновало. Достигнув столь высокого уровня совершенствования, он уже давно равнодушно относился к вопросам жизни и смерти. Несмотря на то что на том далеком пиру совершенствующихся, впервые встретившись с Хуа Цяньгу, он сразу прочитал ее горькую судьбу, в итоге все равно решил принять девушку в ученицы. Уже в тот момент Бай Цзыхуа был готов ко всему.

Пусть сложно изменить судьбу, право выбора всегда за то-

бой.

Раньше Бай Цыхуа беспокоился, что после его смерти Хуа Цяньгу вновь останется совсем одна. Как же ей тогда осилить этот тернистый и полный неудач жизненный путь? Потом, наблюдая за тем, как вокруг девушки появляется все больше друзей и тех, кто ее любит, он мало-помалу успокоился. У Сяо-Гу есть Тан Бао, Цин Шуй, Ло Шии, Шо Фэн, Дунфан Юйцин, Сюаньюань Лан, Ша Цяньмо...

Вокруг столько цветов, травинок и деревьев, что, даже если она и правда превратится в солнышко, все равно не останется одинокой, будет жить свободно и беззаботно. Он же может лишь провести с ней столько дней, сколько ему отведено.

Привычно безжизненное, словно лед, выражение лица бессмертного чуть смягчилось, но зрачки его глубоких глаз, все такие же черные, напоминали бездонную пропасть. На губах Бай Цыхуа расцвела нежная улыбка-лотос, преисполненная мудрости постижения всего сущего, великой доброты и сострадания.

* * *

На улице царило оживление. Хуа Цяньгу всю дорогу металась из стороны в сторону. Все, что попадалось ей на глаза, девушка находила весьма любопытным. Будь то развлекавшие народ артисты или пара уличных музыкантов, отец и

дочь, поучавший злодея герой или разносчики с коромыслами наперевес, даже замужние особы, торговавшиеся с корзинками в руках, – все привлекали внимание Цяньгу.

Переночевать путники остановились на постоялом дворе. Только девушка проспала полночи, как наставник снова вытащил ее в пригород, на могильный холм, – смелость закалять. Поймав парочку мелких духов в мешочек, она, устав до изнеможения, легла вздремнуть у изголовья чьей-то могилы и так проспала до рассвета.

К моменту прибытия Бай Цыхуа и Хуа Цяньгу собрание Улинь уже началось. Девушка привыкла наблюдать за поединками в полете на мечах и с применением магии, от которой содрогались небо и земля, поэтому самые серьезные сражения на обычном оружии, проводимые сообществом Улинь, ее не особо впечатлили. Она непрестанно звала и сокрушалась, что ее одурачили.

Поскольку соревнование велось за место главы сообщества Улинь, не обошлось без тайных уловок и использования скрытого оружия. Девушка горела желанием вступить в схватку, но, раз наставник запретил, приходилось искать другие способы развлечения. Она вообразила себя судьей соревнования и, замечая, что кто-то строит козни, использует яд или скрытое оружие, тайно избавлялась от угрозы.

В итоге это собрание Улинь вошло в историю Цзянху как самое бескровное, честное и справедливое. Множество почтенных седобородых старейшин мира боевых искусств пла-

кали от радости: «Вот уж правда, волны реки Янцзы накатывают друг на друга»⁹.

Наконец определился новый глава сообщества Улинь. Им стал прославленный молодой герой Ван Сижи, отвергавший сильных, поддерживавший слабых и каравший злодеев, тот самый, которого Хуа Цяньгу видела на улице.

По рассказам охваченных страстным пылом юных девушек на выданье и замужних дам всех школ и учений, жизнеописание этого человека было следующим: «Ван Сижи – умопомрачительный красавчик, выходец из бедной крестьянской семьи, с мотыгой в руках пробивший себе дорогу в жизнь. Однажды, спасая старого хромоногого пса от шайки избивавших его учеников-нищих, он упал с обрыва. Но дуракам везет, иногда и небо посылает пироги. По счастливой случайности Ван Сижи нашел легендарный чудо-меч Противный воле неба и тайную технику развития внутренней силы. С тех пор юноша освоил не имеющее себе равных в мире боевое искусство, возвысился над Улинем и стал непревзойденным воином. Ха-ха!»

В книжной версии его личной биографии писали так: «Ван Сижи – выдающийся воин, обладающий, по слухам, мечом длиной в девять чи, добрый сердцем и дерзко смеющийся над миром. В руках у него чудо-меч Противный воле неба,

⁹ «Волны реки Янцзы накатывают друг на друга» (ит. #####) – образное выражение, означающее, что новое поколение сменяет предыдущее и превосходит его.

длина которого изменяется по велению сердца и может достигать девяти чи. Говорят, этот клинок убивает без крови, а умирающий от него не испытывает ни боли, ни холода. Меч Противный воле неба – самый великолепный и прекрасный меч, воплощение божественности и милосердия. Когда он достигает пика своей силы, небо и земля, ветер и облака – все меняет цвет, а с высоты начинает падать снег величиной с гусиное перо. Ван Сижи – божество, святой, бессмертный. Никто не видел его в гневе и уже тем более не наблюдал, как он плачет. Но его тихая печаль, подобно чистому снежному лотосу, распустившемуся на самой вершине одинокой скалы горы Тяньшань, разбивала сердца людей...»

Хуа Цяньгу улыбнулась, прищулив глаза и зажав уши, не желая слышать дикие крики множества помешавшихся на этом мужчине юных дев. Хотя в ее глазах искусство владения мечом Ван Сижи ничего особенного из себя не представляло, однако в нем чувствовались стиль, широта и великодушные души, присущие истинному мастеру. Пусть внешне юноша ничем не впечатлил Цяньгу, следовало признать, что он обладал атлетическим телосложением и благородной наружностью. Сразу видно – настоящий воин, образец справедливости, выдающийся боец Улиня и мечта всех девушек.

– Эх, все расходятся. Больше смотреть не на что. Пойдемте, наставник!

Когда Хуа Цяньгу и Бай Цзыхуа собрались уходить, Ван Сижи вдруг вышел вперед, сложил руки в приветственном

жесте, поклонился и сказал:

– Благодарю вас, барышня, за то, что спасли меня.

Во время поединков он не раз чуть не погиб от коварства соперников. К счастью, девушка протянула ему руку помощи.

Хуа Цяньгу приоткрыла рот от изумления:

– Ничего себе, великий воин! Ты это заметил?

Что ж, довольно неплохо. Какие-то способности у него все-таки имеются.

Юноша хорошо владеет мечом, обладает обостренным чувством справедливости и всем сердцем старается отстаивать правду. Только вот он чересчур прямодушный. Возможно, его назначение на пост главы сообщества Улинь, наоборот, принесет одни лишь неприятности.

Ван Сижи заметил, что, несмотря на возраст, девушка наделена талантом, а мужчина, стоящий за ее спиной, хоть и выглядит вполне обычно, но его взгляд, подобный затихшим волнам, выдает в нем человека влиятельного.

– Вчера видел вас на улице, господа. Выходит, нашей встрече суждено было состояться. Если не гнушаетесь, может, остановитесь у меня на несколько дней?

Довольно ухмыляясь, Хуа Цяньгу уже собиралась ответить на приглашение, как вдруг услышала голос Бай Цыхуа:

– Встретились как ряски на воде¹⁰. Не будем вас беспоко-

¹⁰ «Встретиться как ряски на воде» (кит. #####) – образное выражение, означающее случайное знакомство.

ить. Если суждено, еще свидимся вновь.

Девушка обиженно надулась, но ей оставалось лишь помахать новому знакомому рукой:

– До встречи!

Снова сложив руки в молитвенном жесте, Ван Сижи низко поклонился:

– Память о вашей доброте навсегда останется в моем сердце, благодетельница!

Он долго смотрел им вслед. И только когда два окутанных неземной аурой силуэта полностью исчезли из поля зрения, Ван Сижи вернулся к делам: нужно было принять на себя пост главы.

– Наставник, а тот человек весьма интересный. Среди простых людей он довольно силен, только вот слегка глуповат.

Бай Цзыхуа потрепал ученицу по голове:

– Вам с ним суждено было встретиться. Скорее всего, еще когда-нибудь свидитесь вновь.

– Правда? Было бы замечательно. Наставник, а куда мы теперь пойдем?

– К Северному морю.

– На пире совершенствующихся я видела бессмертную владычицу Северного моря, Юнь Сань, прямодушную рыжеволосую красавицу. Давайте по пути навестим ее.

Бай Цзыхуа кивнул. И вот они сначала отправились к Северному морю, потом за пределы Великой стены, а затем – к

южным окраинам. За полгода, проведенных в путешествии по горам и рекам, уровень совершенствования Хуа Цяньгу значительно повысился.

На ночлег путники остановились в ущелье. Наевшись досыта, девушка и Тан Бао улеглись в сторонке на кучке травы и заснули.

Летом ночи знойные. В ущелье летало много комаров, поэтому Бай Цыхуа рассыпал вокруг порошок от насекомых.

Спала Хуа Цяньгу в крайне неприглядной позе: с полуоткрытым ртом, раскинув руки и ноги. С кончика ее носа стекали капельки пота. Дышала она неровно: то длинными, то короткими вздохами, время от времени еще и похрапывая. А Тан Бао, словно ее отражение, лежала рядом в такой же позе.

Губы Бай Цыхуа растянулись в едва заметной улыбке. Он протянул руку – с растущего вдалеке дерева к нему в ладонь опустился огромный лист. Тихо глядя на сонное личико ученицы, бессмертный стал мягко обмахивать ее с Тан Бао самодельным веером. Жаль только, что Хуа Цяньгу спала, как свинья. Иначе, расчувствовавшись до полусмерти, она живой вознеслась бы на Небеса.

Вдруг издалека, со стороны горизонта, со свистом прилетел крохотный бумажный журавлик и опустился на ладонь Бай Цыхуа.

Тот развернул послание и увидел начертанные на бумаге три слова: «Божественные артефакты украдены».

Дань Чуньцю, приняв обольстительный облик, полулежал на кровати. Перед ним на столе лежала тарелка, наполненная приготовленными по особому рецепту куколками цикад и личинками пчел.

Открылась дверь, и в комнату вошел Юнь И. Увидев, с каким удовольствием трапезничает Дань Чуньцю, он еле сдержал рвотный позыв. Все-таки Юнь И предпочитал видеть того в более суровом, мужественном образе.

– Кажешься таким беззаботным. Похоже, выкрал божественные артефакты? – Юнь И знал, что после поражения на горе Тайбай Ша Цяньмо вел себя так, будто ничего не произошло, а вот Дань Чуньцю от негодования чуть ли кровью не плевался, продолжая вынашивать планы по возвращению божественных артефактов.

– Разумеется. Надо лишь выяснить, какие именно школы сейчас охраняют божественные артефакты, а уж способ добыть их всегда найдется. В любом случае эта кучка ничемных простаков может только ценой жизни беречь артефакты, а применять их не в состоянии.

– А что владыка демонов? Наверно, очень рад. Ты снова добился больших успехов. – Юнь И нарочно провоцировал Дань Чуньцю.

– Он в уединении.

Юнь И знал, что так называемое уединение Ша Цяньмо – это лишь сон в каком-нибудь месте средоточия духовной ци. Длился такой отдых обычно довольно долго, что с одной стороны повышало уровень внутренней силы, а с другой – что куда более важно – благоприятно сказывалось на состоянии лица.

– Следует ли доложить ему? – нахмурился Юнь И. В прошлый раз Ша Цяньмо жестоко наказал его. Если и в этот раз учинить самоуправство...

– Не нужно. Когда вернем божественные артефакты, тогда и доложим.

Дань Чунью беспокоился, что со своим непредсказуемым характером Ша Цяньмо опять все испортит. Лучше уж самому за дело взяться.

– Ся Цзысюнь тоже не говорить?

– А как иначе? Думаешь, если скажем, что хотим использовать ее очищенный яд против Бай Цыхуа, она нам поможет? Будет странно, если после такого она не сцепится с нами в смертельной схватке. Среди всех школ совершенствующихся сложнее всего бороться со школами Шу и Чанлю, потому что в Шу есть бессмертный Мо Бин, а в Чанлю – Бай Цыхуа. Но бессмертный Мо Бин пропал несколько столетий назад и, по слухам, уже мертв. После смерти Доу Ланьганя совершенствующиеся стали бороться за власть, поэтому их войско теперь подобно блюду сыпучего песка¹¹, погоды не

¹¹ «Блюдо сыпучего песка» (кит. #####) – образное выражение, означающее

сделает. Сейчас нужно лишь избавиться от Бай Цыхуа, тогда возрождение Повелителя нечисти и объединение шести миров станет делом ближайшего будущего!

— Жаль только, что из шести миров сейчас осталось лишь пять. Мир совершенствующихся разделен на несколько мелких участков, которые, подобно пузырькам, плывут по воздуху над миром людей. В загробном мире обстановка мерзкая. Кроме духов умерших, вряд ли кто-то захочет туда идти. Твоих стараний стоит только мир людей.

Лицо Дань Чуньцю внезапно стало женственным. Он склонился к уху Юнь И и странно усмехнулся:

— Думаешь, зачем я так хочу возродить Повелителя нечисти? Дело не только в возможности завладеть его силой. К тому времени откроются врата мира богов. Тогда пред нами предстанут необъятные просторы, куда более прекрасные, чем земля блаженства!

* * *

Ранним утром следующего дня наставник и ученица вместе отправились на мечях на север. Хуа Цяньгу никак не могла понять, что произошло. Похоже, возвращенные божественные артефакты, выданные на хранение разным школам, были снова украдены. Более того, школа Лаошань подверглась технике Захвата души, а даос Футу и прочие оказались

«разобщенность, разброд».

в плену. Нечисть заявила, что на обмен пленными должен прийти лично Бай Цзыхуа, иначе они будут убивать по одному ученику каждый день до тех пор, пока он не явится. Поэтому цель путешествия Бай Цзыхуа и Хуа Цяньгу состояла в спасении людей.

Чем дальше они продвигались на север, тем холоднее становилось, особенно усиливался ветер. Девушка смотрела вниз на покрытые снегом бескрайние горы и дрожала от холода. Ее брови и волосы покрылись толстым слоем инея. Тан Бао забралась поглубже в ухо девушки, уже готовая впасть в зимнюю спячку. Отверстие в ухе гусеничка завесила маленьким лоскутом ткани, чтобы холодный ветер не проник внутрь.

– Сяо-Гу?

Заметив, что силы девушки уже на исходе, Бай Цзыхуа подлетел к ученице и впустил ее в свой световой барьер. Хуа Цяньгу тут же почувствовала, как все вокруг потеплело.

Поскольку дело не терпело отлагательств, а на мечях лететь куда быстрее, чем на облаках или других приспособлениях, в пути они почти не отдыхали. Девушка старалась держаться изо всех сил, однако веки ее то и дело закрывались, а меч потрясывало, поэтому Бай Цзыхуа позволил ученице убрать меч Отрешения от мыслей, а самой, встав позади, лететь вместе с ним. Путешествие представлялось чрезвычайно опасным, поэтому изначально бессмертный не собирался брать Сяо-Гу с собой. Но она прекрасно справилась с битвой

на горе Тайбай, да и сейчас отправилась в путь как раз набираться опыта. Ему следовало больше доверять ее способностям.

Чувствуя, словно она вновь вернулась в то время, когда наставник обучал ее управлению мечом, Хуа Цяньгу улыбнулась, но уже совершенно выбилась из сил, поэтому обхватила Бай Цыхуа за талию, щекой прижавшись к его спине. Невзирая на пронизывающий холодный ветер, летящие хлопья снега, бескрайнюю белую пустыню, развернувшуюся между небом и землей, она все равно спала необыкновенно сладко.

Когда скорость меча мало-помалу снизилась, путники медленно опустились на землю. Цяньгу открыла заспанные глаза. Взору открылось лишь необъятное пространство возвышавшихся друг над другом ледников. Повсюду – ни одной травинки или деревца, что уж говорить о людях, зверях и птицах.

Метель постепенно стихла. Бай Цыхуа вытащил из треножника-хранилища одеяние из белого лисьего меха, накинул на плечи ученицы и повязал ей пояс. Сам же он по-прежнему был облачен в белую одежду из легкой ткани.

– Наставник, вам не холодно?

Бай Цыхуа покачал головой, стряхнул с тела девушки иней со снегом и передал ей немного истинной ци. Чуть-чуть согревшись, Хуа Цяньгу потопталась на месте и вдруг выдохнула на своего спутника облачко пара.

– Хе-хе, смотрите, наставник! Я дым пускаю!

Бай Цзыхуа покачал головой, наблюдая за тем, как она, игриво улыбаясь, бежит вперед.

Случайно поскользнувшись на гладкой, как зеркало, ледяной поверхности, девушка нежно соприкоснулась с землей и, поцеловав лед и плюхнувшись лицом в снег, растянулась в изящной позе иероглифа «большой»¹².

На лице Бай Цзыхуа промелькнула преисполненная нежности улыбка, но, к сожалению, Хуа Цяньгу в этот момент суетливо барахталась на льду и не увидела того, о чем всем сердцем мечтала уже целых шесть лет.

Бай Цзыхуа подошел и помог девушке подняться. Но обувь Хуа Цяньгу оказалась слишком скользкой, поэтому, только встав на ноги, она вновь приземлилась на задницу.

– У-у-у... – стала всхлипывать девушка с кислой миной на лице.

Бай Цзыхуа нагнулся и легонько коснулся ее обуви. На подошве тут же выросло множество круглых деревянных колышков, покрытых сверху прелестными ярко-зелеными листочками, которые обвили ноги Хуа Цяньгу.

– Поднимайся. Теперь не поскользнешься.

Наставник помог девушке встать. Та сделала пару шагов. И правда, теперь она шла будто по песчаной отмели.

¹² Китайский иероглиф со значением «большой» (#) похож на человека с раскинутыми в стороны руками.

– У меня есть колеса Огня и ветра!¹³ – Хуа Цяньгу потеряла свой зад, а потом побежала вперед, стуча сапожками. Колокольчики на мече Отрешения от мыслей звенели без умолку. – Наставник, нам в какую сторону?

Бай Цыхуа осмотрелся и указал на запад.

– Здесь повсюду формации. Будь осторожна, не бегай где попало.

Хуа Цяньгу, гремя сапожками, снова прибежала к нему и схватила за рукав.

– Наставник, ничего страшного. У меня есть Капля небесной воды! – Девушка сорвала с шеи подвеску и покачала ею из стороны в сторону.

– С простыми формациями она справится, но против мощных не поможет. Раз уж нечисть схватила пленников и нарочно заманила нас сюда, значит, и разных ловушек здесь немерено. Поэтому нужно соблюдать предельную осторожность.

– Наставник, вы ведь знали, что нечисть нарочно заманила нас сюда, так почему же добровольно попались в ловушку?

– Нельзя ведь просто сидеть сложа руки. Не волнуйся: вторгнется враг – найдутся генералы, способные отразить его, разбушует паводок – дамба его остановит¹⁴.

¹³ Колеса огня и ветра (*кит. ###*) – атрибут даосского божества-защитника Нэчжа, представляющий собой колеса, на которых можно было передвигаться с огромной скоростью.

¹⁴ «Вторгнется враг – найдутся генералы, способные отразить его, разбушует паводок – дамба его остановит» (*кит. #####*) – устойчивое образное выра-

Бай Цзыхуа потрепал ученицу по голове, ни словом не обмолвившись о грядущем несчастье.

Путники, следуя вдоль ледников на запад, прошли мимо большого ущелья. Бай Цзыхуа огляделся: «Должно быть, где-то рядом, в одной из ледяных пещер».

Внезапно на него налетела какая-то белая тень, но он не уклонился. Снежок рассыпался, ударившись о его тело.

Хуа Цяньгу, подбоченившись, посмотрела на наставника и рассмеялась. Бай Цзыхуа устало покачал головой.

– Наставник, давайте поиграем в снежки? – Девушка снова слепила снежный комок и метнула им в Бай Цзыхуа.

Тот чуть наклонился, уворачиваясь.

– Что ж, давай!

– А?

Наставник согласился? Хуа Цяньгу застыла в изумлении. Но не успела она ответить, как снежинки взметнулись ввысь, образовали множество снежков и, подобно дождевым каплям, посыпались на нее.

Девушка дала деру. Снежки один за другим попадали ей то по заду, то по другим частям тела. Убегая от снежного града, она громко кричала:

– Наставник, и как вам не стыдно!

Бай Цзыхуа посмотрел вверх и вдруг предупредил:

– Осторожно!

Он тут же устремился к девушке и, обхватив ее руками,

отлетел на сотню метров. Хуа Цяньгу, съжившись в его объятиях, обернулась. На место, где они только что стояли, обрушились сосульки и снег с близлежащей горной кручи.

– Хватит баловаться. Скоро сойдет лавина, – постучав ее по голове, произнес Бай Цыхуа.

– Я... больше не посмею...

Одной рукой Хуа Цяньгу обхватила шею наставника, а другой стала смахивать снег с его черных волос.

Они встретились взглядами. От подобной близости сердце девушки сжалось, а щеки зарделись румянцем.

Бай Цыхуа поставил ее на землю.

– Идем.

– Угу.

Хуа Цяньгу, весело ступая позади наставника, по привычке протянула руку, намереваясь ухватиться за его рукав, но потом прищурилась, немного подумала и, набравшись смелости, легонько взяла его за ладонь.

Бай Цыхуа опустил голову и взглянул на девушку.

– Все еще мерзнешь?

Он нежно сжал ее пальчики, похожие на тонкие редиски, и потерял их в своих ладонях. Руки Хуа Цяньгу ослабли, а ноги задрожали. Она смотрела на мужчину, с трудом натянув невинную улыбку.

Вот так, держа наставника за руку, она среди покрытого снегом пространства прошла свой последний в этой жизни беззаботный и наполненный счастьем путь.

Глава 26. Чему быть, того не миновать

По мере продвижения вперед толщина снежного покрова увеличивалась, а идти становилось все труднее. Бай Цыхуа и Хуа Цяньгу, управляя мечом, летели на небольшой высоте. Повсюду на покрытых льдом отвесных скалах высотой в сотню чжанов виднелись мелкие и крупные гроты и пещеры.

Сталкиваясь по пути с формациями или ловушками, Бай Цыхуа без труда преодолевал их, но ни разу не увидел ни одного оборотня или демона. Дурное предчувствие тревожило его сердце, но бессмертный не мог понять, что именно не так. Склонив голову, он неоднократно повторял ученице:

– Будь осторожна. Они знают, что мы здесь. – Пусть жестокой битвы не избежать, но сейчас уровень совершенствования Хуа Цяньгу уже достаточно высок. Тем более он рядом. Чем не отличная возможность попрактиковаться? Бай Цыхуа за нее особо не беспокоился.

– Вон там.

Бессмертный закрыл глаза и сосредоточился. Теперь он мог слышать дыхание любого живого существа в пределах сотни ли.

Путешественники слетели вниз с вершины обледенелой горы, огибая скованные холодом склоны, и заметили грот посреди скалы. Но стоило Цяньгу убрать меч и сделать два ша-

га, чтобы попасть внутрь, как она тут же ступила ногой в пустоту. Перед глазами возникла огромная черная дыра, из которой вылетело яркое пламя. Девушка вскрикнула, но, не сумев удержаться, полетела вниз. Пламя вмиг поглотило ее.

– Сяо-Гу! – громко закричал Бай Цыхуа. Он увидел, как ученица упала на землю и, обхватив ноги руками, забилась в судорогах, казалось испытывая очень сильную боль.

Хуа Цяньгу услышала голос наставника. В голове загудело. Девушка присмотрелась повнимательнее и обнаружила, что сидит на льду, а вокруг совершенно ничего не произошло.

– Что случилось? Где пещера? А пламя где? – Она пыталась что-то нащупать на льду.

Бай Цыхуа сразу же все понял и помог ученице подняться.

– Похоже, в этот раз мы столкнулись с Лань Юйхуэй. Она в совершенстве владеет техникой иллюзии и искусством захвата души, с помощью несуществующих образов усыпляя бдительность противника и таким образом нанося ему урон. Пусть даже ловушка ложная, если поверишь в нее, непременно навредишь себе. Поэтому важно постоянно помнить о том, что не все, что видят твои глаза, – правда. Избавься от мыслей, береги врата сердца, ни в коем случае не позволяй ей добиться желаемого.

«Вот оно что!» – подумала Хуа Цяньгу. Как хорошо, что в битве на горе Тайбай не было Лань Юйхуэй. Иначе, стои-

ло той обернуться наставником или же завладеть сознанием Цяньгу, вряд ли удалось бы так долго продержаться.

Девушка с трудом сделала несколько шагов и почувствовала обжигающую, подобно кипятку, боль во всем теле, какая бывает после падения, но не увидела ни единой царапины. Она потерла виски, неустанно повторяя себе, что все не по-настоящему, а ощущения обманчивы.

Прошло немало времени, прежде чем жгучая боль исчезла. Только путники собрались войти в пещеру, как со всех сторон к ним спустилось не меньше сотни женщин в белых одеждах. Подолы их юбок развевались на ветру. Бледные, как у трупов, лица выглядели зловеще на фоне заснеженных просторов.

Хуа Цяньгу попятилась назад и тщательно протерла глаза.

– Это... тоже иллюзия?

– Это – реальность.

Еще не закончив говорить, Бай Цыхуа обнажил меч.

В то же мгновение женщины в белом свирепо ринулись на него, одна сменяя другую. Меч Рассекающий иней в руках Бай Цыхуа тотчас ударил световыми лучами. Нападавшие, одна за другой, превращались в облака пара.

Вдруг отовсюду еле слышно раздался ласкающий слух звон колокольчика, который показался девушке знакомым.

– Это Колокольчик Обманчивых Грез, Сяо-Гу! Запечатай слух!

– Не волнуйтесь, наставник. Я уже испытала на себе силу

этого Колокольчика. Но у меня нет слез, так что на мне его сила не работает.

Как бы то ни было, Хуа Цяньгу вдруг заметила, что картинка перед ее глазами начала изгибаться и вращаться, а в теле появилось чувство невероятной сухости и жара.

Бай Цзыхуа пояснил:

– Колокольчик Обманчивых Грез способен не только всколыхнуть в душе воспоминания о самых горестных моментах, но и пробудить внутри другие чувства.

Девушка в замешательстве посмотрела на наставника и вдруг, под действием внезапного порыва, обняла его. Она знала, что Бай Цзыхуа всегда был самым прекрасным на свете, но обычно очень далеким – он не терпел никакого непочтительного обращения. Никогда еще он не выглядел столь соблазнительно, что даже в глазах его мелькал обольстительный огонек. На сердце Цяньгу как будто заскреблись тысячи зайчат. Внутри загорелось желание повалить его на землю и зацеловать до смерти.

Звон Колокольчика становился все сильнее, а девушка чувствовала себя все хуже и хуже. Она тотчас, скрестив ноги, села на землю и постаралась отрегулировать дыхание и очистить разум. Бай Цзыхуа хотел было передать ей немного духовной силы, но, лишь дотронувшись до спины ученицы, тут же отдернул руку.

Не в силах приспособиться к столь странному и незнакомому ощущению, Хуа Цяньгу в гневе выпалила:

– Что за привычка к черной магии прибегать? Если посмеешь, выйди и сразись со мной!

Едва уловимый женский насмешливый голос эхом разлетелся по округе:

– Когда дело касается мужчины и женщины, о какой черной магии может идти речь? Колокольчик Обманчивых Грез лишь усиливает ваши собственные желания! Я так долго ждала вас здесь, в заснеженных землях, чуть не померла от скуки. Не возражаете, если я вживую посмотрю на безнравственную, развратную сцену между наставником и ученицей?

Сердце Хуа Цяньгу дрогнуло: «Не надо! Не хочу превратиться в извращенку!»

Девушка украдкой бросила взгляд на Бай Цзыхуа. Тот, кажется, не испытал на себе никакого влияния Колокольчика, но при этом, ничего не предпринимая, стоял, заложив руки за спину, и довольно строго смотрел на нее.

«Все пропало! Наставник рассердился!»

Едва возникшее желание тут же пропало от страха. Девушка с усилием прочитала мантру Очищения разума. Звон Колокольчика начал постепенно стихать и отдаляться. Алая ци, опоясавшая ее подобно клубку ниток, тоже мало-помалу рассеялась.

Весьма довольный результатом, Бай Цзыхуа одобрительно кивнул. Он, безусловно, мог облегчить страдания ученицы, но источник страстей – в сердце. Девушка должна научить-

ся преодолевать свои желания. Можно сказать, это стало для нее своего рода испытанием. Избавиться от семи чувств и шести страстей¹⁵ сложно даже бессмертным. Обычный человек давно бы уже лишился рассудка, а Сяо-Гу внешнее влияние практически не затронуло. Все-таки не зря он столько лет обучал ее.

Лань Юйхуэй поверить не могла, что Колокольчик Обманчивых Грез никак на них не повлиял. Ладно Бай Цыхуа – о том, что он самый бесчувственный среди всех совершенствующихся и лишен каких-либо желаний, она была наслышана. Но кто бы мог подумать, что и его ученицу не удастся совратить. Откуда же русалка могла знать, что Хуа Цяньгу мечтала о близости, но из страха перед наставником не позволяла себе проявить ни малейшей непочтительности и не допускала кощунственных мыслей.

Звон Колокольчика прекратился. Тогда Лань Юйхуэй отправилась в атаку учеников школы Лаошань, которыми управляла с помощью техники марионеток. Это и правда стало помехой для ее противников. Только избавив совершенствующихся от действия техники, Бай Цыхуа обернулся и обнаружил, что Хуа Цяньгу и след простыл.

¹⁵ Семь чувств и шесть страстей (*кит. #####*) – в буддийской концепции человек обладает семью чувствами (радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть, страсть) и шестью страстями (желание видеть, желание слышать, желание ощущать ароматы, жажда вкуса, жажда прикосновений, жажда славы).

– Наставник! – От испуга девушка чуть не лишилась души. Она лишь увидела, как за спиной мужчины внезапно возникла фигура в красных одеждах. Оказалось, это был Ша Цяньмо. – Не надо!

Все произошло слишком быстро. Меч Сострадания к Жизни в руках владыки демонов внезапно засиял ярким светом и мгновенно пронзил грудь Бай Цыхуа, а тот, стремительно ответив на удар, проткнул живот Ша Цяньмо. Оба упали с края пропасти.

У Хуа Цяньгу от страха сердце в пятки ушло. Больше ни о чем не думая, не медля ни мгновения, она прыгнула вслед за ними.

Пусть эта ледяная скала вздымалась до облаков, не настолько же она была огромная, чтобы после столь длительного падения так и не увидеть земли! Сердце девушки будто обжало пламенем. Она летела мимо облаков, которые непрерывно уносились вверх, и вскоре почувствовала, что становится тепло. Лед и снег постепенно исчезали из виду, а перед глазами появился зеленеющий пейзаж.

Когда Цяньгу добралась до дна пропасти, уже стемнело, а на небе повисла полная луна. Обстановка вокруг переменилась: теперь повсюду простирались поросшие лесом горы и изумрудные воды, словно то была земная обитель бессмерт-

ных.

Девушка вытащила меч Отрешения от мыслей и порезала себе руку. Из раны потекла кровь, но пейзаж совершенно не изменился. Хуа Цяньгу еще больше встревожилась. Неважно, в иллюзии она сейчас или нет, самое главное – поскорее найти наставника.

Цяньгу побежала что есть мочи, громко крича:

– Наставник! Наставник! – Напуганные ее криком животные бросились врассыпную, но нигде не промелькнуло даже тени Бай Цыхуа или Ша Цяньмо.

Девушка долгое время наматывала круги. Понимая, что заблудилась и топчется на месте, она поднатужилась и взлетела на мече вверх. Но в небе лишь сияла круглая луна. Откуда же взяться холодному ветру, снегу и льду?

Плохо дело! С наставником разминулись!

Чуть успокоившись, Хуа Цяньгу хотела поискать наставника с помощью техники созерцания сокровитного, но ничего не увидела, словно что-то перекрывало обзор.

Девушка летела по воздуху во весь опор. Неожиданно перед глазами возникло огромное озеро, в ослепительном лунном свете казавшееся хрустальным. На поверхности озера цвели лотосы, а белые журавли низко парили над ним, почти касаясь крыльями водной глади.

Внезапно раздался всплеск брызг, разлетающихся во все стороны. Хуа Цяньгу посмотрела вниз и застыла от изумления. Обворожительная длинноволосая женщина вырвалась

со дна озера на поверхность. При свете луны незнакомка расправила руки. Тотчас все удивительные краски неба и земли сосредоточились на ней одной.

Хуа Цяньгу присмотрелась и в удивлении зажала рот ладонью. Все тело женщины было словно облачено в покров из блестящего серебряного песка, а глаза ее напоминали самые блестящие в мире черные жемчужины. Тонкие, будто крылья цикады, плавники на руках незнакомки казались вырезанными изо льда и слепленными из снега. Окутанная холодным и чистым лунным сиянием, женщина плыла сквозь искрящийся, непорочный белый свет. Посмотрев вверх, она протяжно завывала на луну. Хуа Цяньгу еще никогда в жизни не слышала столь приятный слуху звук, вмиг пронзивший каждую клеточку ее тела.

Водные брызги вновь разлетелись во все стороны. Женщина с резвостью рыбы взметнулась в воздух, обрисовав на фоне полной луны изящную дугу. Нижняя часть ее тела оказалась самым настоящим рыбьим хвостом.

– Ру... русалка!

Хуа Цяньгу потерла глаза, но вдруг к ней с громким всплеском устремилась подобная серебряной нити струя воды, оповестив о том, что все происходящее отнюдь не обман зрения.

Внезапно вместо одной русалки появилось несметное количество. Размахивая огромными трезубцами морского божества, все они устремились в атаку на девушку.

Цяньгу обнаружила, что по какой-то причине не может использовать техники пяти стихий¹⁶, словно все пространство иллюзий заполнили магические барьеры.

– Ты и есть Лань Юйхуэй? Выходит, ты... оказывается, русалка!

– Все верно, – с улыбкой глядя на девушку, произнесла Лань Юйхуэй удивительно волшебным и чарующим голосом. – Иначе меня себе представляла, не правда ли? Тебя зовут Хуа Цяньгу, верно? Ученица Бай Цзыхуа? Слышала о тебе от Юнь И и остальных. Но мы с тобой, кажется, встречаемся впервые.

Лань Юйхуэй была сильна в искусстве создания иллюзий, но к прочим магическим техникам способностей не проявляла. Однако, хотя навыки владения мечом Хуа Цяньгу стремительно улучшались, в прямом столкновении с таким противником она с трудом могла надеяться на ничью. Глядя на множество русалок вокруг, девушка не могла понять, какая из них настоящая.

Тревога все больше охватывала сердце Цяньгу. Как там сейчас наставник? Девушка знала, что Ша Цяньмо здесь быть не могло, она только что видела просто иллюзию, с помощью которой Лань Юйхуэй удалось разлучить ее с Бай Цзыхуа, но все равно не могла избавиться от беспокойства.

– Где мой наставник?

¹⁶ Пять стихий (*кит. ##*) – согласно китайскому учению древности, пять основных стихий природы: дерево, металл, огонь, вода и земля.

– Твой наставник? Полагаю, Дань Чунью с помощниками запер его в Треножнике Изначального Гадания. Вероятно, сейчас он уже обратился в пыль. Поскольку среди всех я самая слабая в совершенствовании, меня отправили с тобой считать свести!

– Чушь!

Хуа Цяньгу тут же поддалась безотчетному страху. Такой человек, как наставник, разве мог так легко попасться? Девушка прекрасно понимала, что Лань Юйхуэй нарочно вводит ее разум в смятение, но сердце все равно одолевали смутная тревога и страх.

Тан Бао уже давно проснулась и все прекрасно видела, но, как бы она ни пыталась докричаться до Хуа Цяньгу, сколько бы ни дергала и ни кусала хозяйку за ухо, с момента погружения в иллюзию та перестала что-либо слышать. Они словно оказались в двух разных мирах. Наблюдая за тем, как девушка все больше погружается в этот обман и никак не может выбраться, гусеничка поняла, что дело принимает дурной оборот.

Хуа Цяньгу, стиснув зубы, размышляла: «Не верю, что не смогу разрушить иллюзию, – стоит только одолеть тебя!»

Подумав об этом, она вытащила меч Отрешения от мыслей и атаковала русалку свободными и четкими движениями, в совершенстве исполняя техники из заметок о мечах.

Цяньгу яростно прикусила губу, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. Глаза ее сверкнули, сознание посте-

пенно прояснилось, и она быстро разобралась, где находится истинное тело Лань Юйхуэй. Меч моментально вдребезги разбил иллюзию русалки, коснувшись ее локтевого изгиба и соскоблив с руки несколько чешуек. Как только Лань Юйхуэй получила ранение, северо-западная часть небосвода начала обрушиваться, обнажая лишенный четких форм мутно-желтый участок.

С каждым выпадом русалке становилось все труднее сражаться. «Какая, оказывается, сильная эта девчонка», – подумала она.

Хуа Цяньгу протянула руку, намереваясь нажать на ее точку средоточия меридианов. Однако тело той было скользким, как у выюна. Лань Юйхуэй ловко извернулась, обвиваясь вокруг девушки, и свирепо ударила ее своим рыбьим хвостом по спине.

Терпя сильную боль, Цяньгу уже собиралась, повернув кисть, нанести стремительный удар мечом, как вдруг создание перед ней превратилось в Бай Цзыхуа. Девушка испугалась. Она прекрасно понимала, что это наваждение, призванное сбить ее с толку, но все же рука дрогнула, и меч застыл в воздухе.

Воспользовавшись ее замешательством, Лань Юйхуэй вдруг отрастила на локте зеленые рыбы кости, длинные и тонкие, покрытые сильнодействующим ядом, и направила их в грудь Хуа Цяньгу.

Все произошло очень быстро. Прежде чем девушка успе-

ла отреагировать, откуда-то издали прилетел человек и закрыл ее собой. Несмотря на защиту истинной ци, рыбы кости все же частично вонзились в его тело. Из ран тут же потекла черная кровь.

– Наставник!

Хуа Цяньгу, обезумевшая от страха, торопливо подхватила мужчину в белых одеждах, который стоял перед ней, еле держась на ногах.

Лань Юйхуэй расхохоталась, вернув себе прежний облик.

– Как любопытно! Ты же прекрасно знала, что перед тобой фальшивый Бай Цыхуа, и все равно тебе не хватило духу ударить меня!

– Наставник! Наставник!

Лицо лежавшего на земле мужчины становилось все бледнее. Хуа Цяньгу впопыхах зажала несколько точек на его теле, дрожащими руками достала пилюлю Возвращения духа и торопливо вложила ему в рот.

– Не трать время зря. Это не обычный яд, а очищенный Треножником Изначального Гадания. От него нет лекарства. Будь то демон или божество, никому не спастись. Даже сам Бай Цыхуа с ним не справится.

Серебристое сияние вокруг мужчины постепенно ослабевало. Девушка понимала: Лань Юйхуэй не врет.

Русалка направила на Хуа Цяньгу трезубец морского божества.

– Вставай же, отомсти за своего наставника!

Девушка уже давно перестала обращать внимание на происходящее вокруг и ничего не слышала. Нагнувшись, она попыталась силой вытянуть яд из тела Бай Цыхуа.

Лань Юйхуэй нахмурилась:

– С ума сошла? Я же сказала, что этот яд очищен Треножником Изначального Гадания. Ты не расслышала? Хочешь умереть вместе со своим наставником?

Губы Хуа Цяньгу дрожали, широко раскрытые глаза округлились. Она в оцепенении, словно безумная, уставилась на Бай Цыхуа с таким выражением лица, что у Лань Юйхуэй мурашки побежали по коже.

«Это все я виновата! Моя вина! Это я навредила наставнику! Наставник, скорей, вставайте!»

Лань Юйхуэй покачала головой:

– Я лишь хотела убить Бай Цыхуа, а ты... Ладно уж, тебе все равно не выжить. – Взмахнув трезубцем, она обрушилась на Хуа Цяньгу. Та, сосредоточенная на поглощении яда из тела наставника, не отскочила в сторону и не уклонилась. Раздался хлопок. Чей-то точный удар выбил трезубец из рук Лань Юйхуэй.

Человек в развевающихся на ветру белых одеждах, прорвав небосвод с северо-западной стороны, подлетел к ним. Оказалось, это тоже был Бай Цыхуа.

– Сяо-Гу! – Увидев, что ученица держит в руках миниатюрный серебряный кувшин и что-то пьет из него, отплываваясь алой кровью, он взмахом рукава выбил сосуд из ее рук.

Этот мир иллюзий Лань Юйхуэй усовершенствовала с помощью Треножника Изначального Гадания. И пусть Бай Цыхуа сердцем чувствовал ее местонахождение, он долгое время был не в силах найти вход и от волнения уже начал терять хладнокровие.

Выронив серебряный кувшин, Хуа Цяньгу подняла голову и в замешательстве уставилась на бессмертного. Откуда здесь еще один наставник?

Никогда еще девушка не смотрела на него столь безжизненным и полным отчаяния взглядом, от которого сердце охватывала щемящая боль. Бай Цыхуа поддержал ученицу.

Хуа Цяньгу протянула руку и потрогала его лицо, потом хотела прикоснуться к лежащему у ее ног отравленному Бай Цыхуа, но тот уже рассеялся, превратившись в множество сияющих точек.

– Нас... наставник... – пробормотала девушка, потом сплюнула черную кровь и рухнула в его объятия.

Цяньгу думала, что наставник умер, а она стала причиной его гибели!

Бай Цыхуа задействовал ци, намереваясь вытянуть яд из тела ученицы.

Девушка покачала головой и с усилием вырвалась из его объятий.

– Нельзя, наставник! Это яд из Треножника Изначального Гадания. Вы не сможете его подавить!

Но разве Бай Цыхуа заботило это? Ни слова не говоря,

он схватил ученицу, зажал акупунктурную точку на ее теле, приложил палец к ее лбу и втянул весь яд в себя. Учитывая уровень совершенствования Хуа Цяньгу, небольшое промедление могло стоить ей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.